

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3
1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок построчная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

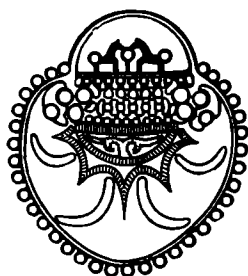
6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1960

Б. П. ПОЛЕВОЙ

О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ АЧАНСКОГО ГОРОДКА

Прошло более ста лет с тех пор как исследователи, плававшие по Амуру, начали разыскивать Ачанское городище, остатки знаменитого Ачанского острожка, в котором в 1651—1652 гг. зимовали участники похода Ярофея Хабарова¹. Поскольку известно, что амурские казаки обороняли этот острожек сперва от нападавших на него «дючеров» (начало октября 1651 г.), а затем от маньчжуров — «богдойцев» (конец марта 1652 г.), то, естественно, исследователи считали, что на месте Ачанского городища должны существовать следы военных русских укреплений середины XVII в.

Видный исследователь Амура Р. К. Маак еще сто лет тому назад высказывал предположение, что Ачанский острожек был сооружен на правом берегу Амура, выше устья Уссури, вблизи нанайской деревни Нюнгя².

В 1946 г. хабаровский историк Н. И. Рябов во время поездки по Амуру обнаружил на мысе Джари следы каких-то старинных военных укреплений³. Этого было достаточно для того, чтобы в его статье появился следующий абзац: «Сейчас установлено, что место, где построен был городок — мыс Джари — в трех километрах выше села Троицкого Нанайского района. Скалистый выступ, господствующий над просторами Амура, открывает широкую перспективу. Это и привлекло Хабарова»⁴. Столь безапелляционное заявление произвело впечатление на некоторых историков. Поэтому до 1956 г. в дальневосточной литературе уже без оговорок утверждалось, что Ачанский городок Я. П. Хабарова был будто бы поставлен «на правом берегу Амура на мысе Джаори»⁵.

В сентябре 1956 г. во Владивостоке на объединенной сессии отделения исторических наук и Дальневосточного филиала Академии наук СССР этнограф Б. О. Долгих высказал еще одно суждение о местоположении Ачанского улуса. Он решил, что амурские казаки называли в середине XVII в. Ачанским улусом нанайское селение Ачма, расположенное значительно выше мыса Джай, на полпути к Хабаровску⁶. Б. О. Долгих сделал

¹ В подавляющем большинстве документов XVII в. Хабаров именуется не Ерофеем, а Ярофеем, т. е. так, как он сам себя называл. Поэтому мы, вслед за покойным историком С. В. Бахрушиным, считаем более правильным называть Хабарова Ярофеем.

² В своем дневнике Р. Маак писал: «...Мы поравнялись с тем местом, где береговой скат образует скалистый выступ, известный у местных жителей под именем Кырма, и проводник рассказал нам, что в давние времена на этом выступе был выстроен город. Он не мог сообщить нам о нем никаких подробностей и знал только по изустным преданиям, что город этот был выстроен не их племенем, а какими-то пришельцами, которые имели здесь временное пребывание.

Рассказ проводника был для нас так важен и интересен, что мы пожелали проверить его и, остановившись у подножья выступа, пошли осмотреть развалины древнего города.

На вершине выступа мы в самом деле нашли остатки четырехугольного укрепления, которого две стены были обнесены валом и рвами и с одной из них по середине находилось свободное пространство, которое, по-видимому, служило входом в укрепление, внутренность его напоминала Албазинское, но было обширнее, столетние дубы, выросшие во рвах и внутри укрепления, ясно указывали на его древность.

Очень вероятно, что это укрепление есть знаменитый «Ачанский городок», которого географическое положение нам неизвестно, тем более, что самое имя его напоминает нам название Ходзэнгского племени, населяющего эту местность» (Р. Маак. Путешествие на Амур в 1855 г. СПб., 1859, отд. 1, стр. 160).

³ И. Машуков. Ерофей Павлович Хабаров. «Дальний Восток», 1949, № 5, стр. 117.

⁴ Н. Рябов, М. Штейн. Не искажать историю! «Дальний Восток», 1954, № 4, стр. 188.

⁵ Ф. Г. Сафронов. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 1956, стр. 23.

⁶ Б. О. Долгих. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам. Об. статей по истории Дальнего Востока. Под ред. академика М. Н. Тихомирова. М., 1958, стр. 132.

этот вывод, опираясь на текст недавно выявленной в Москве любопытнейшей амурской ясачной книги 1655 г., в которой большинство нанайских и нивхских селений даны под их местными названиями.

Таким образом, существуют три различные точки зрения относительно местоположения Ачанского городка. Спрашивается: где же в таком случае археологам надлежит искать Ачанское городище?

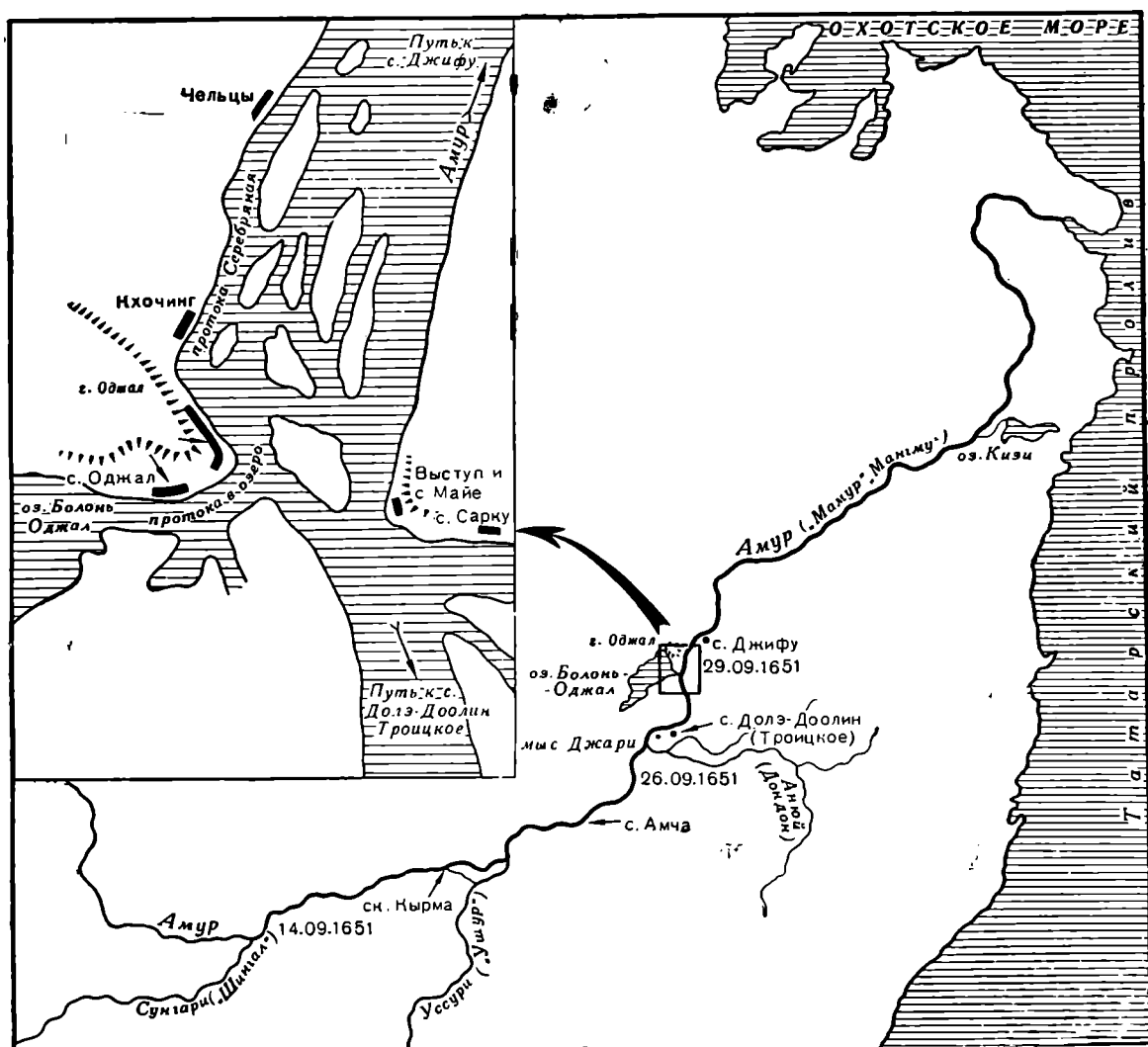

Рис. 1. Район Ачанского городка Я. П. Хабарова на Амуре (1651—1654 гг.)

Стремясь дать ответ на этот вопрос, мы еще раз обратились к различным письменным источникам XVII в., и тут-то неожиданно выяснилось, что ни одно из этих трех суждений не может считаться правильным.

В самом деле, Р. К. Маак и Н. И. Рябов полагали, что Ачанский острожек находился на правом берегу Амура. Между тем в общеизвестной отписке Я. П. Хабарова от 8 августа 1652 г. вполне ясно говорится: «И сентября в 29 день наплыли улус на левой стороне (рязрядка моя. — Б. П.), улус велик и яз, приказной Ярофейко, и служилые и вольные казаки посоветовали и в том улусе усуетовали зимовать и тут город поставили...»⁷.

⁷ Дополнения к «Актам историческим», т. III, СПб., 1848, стр. 364. На эту ошибку Р. К. Маака указывал еще академик Л. И. Шренк в своем труде «Об инородцах Амурского края» (СПб., 1883, т. I, стр. 147).

Трудно отнести это сообщение и к селению Амча, расположенному на острове. Во всех известных нам документах XVII в. об Ачанском городке нет никаких упоминаний о том, что он был построен на острове.

Теперь обратим внимание на то, в каком контексте упоминается «Ачанский улус» в ясачной книге 1655 г. Оказывается, в ней «Ачанский улус» встречается только один раз. В книге отмечено, что 30 августа 1655 г. — всего лишь за один день — русские смогли собрать ясак со следующих последовательно записанных «дючерских» (нанайских) селений: «Долинскова», «Шаргунскова», «Мая», «Ачанскова», «Чюланскова», «Дифунскова» и др.⁸ В этих названиях действительно нетрудно узнать следующие нанайские селения: Долэ (у Р. Маака — Доолэ или Доолин⁹, теперь — с. Троицкое), Саргу или Сарку, Майе или Май (оно же с. Малмыж). И после «Ачанскова улуса» — селения Чельцы и Джифу.

Если учесть, что перечисленные селения расположены последовательно сверху вниз по Амуру, то станет вполне вероятным, что Ачанский улус надо искать где-то между селениями Майе (Малмыж) и Чельцы. Если же мы к тому же вспомним, что Ачанский городок был поставлен на левом берегу Амура, то можно будет сделать вывод, что этот улус скорее всего стоял где-то около горы Оджал (рис. 1). Говоря об этой горе, Р. К. Маак отмечал: «Место это находится на левом берегу Амура почти против, несколько наискось выступа Майэ»¹⁰.

На первый взгляд этот вывод может показаться надуманным. Однако другие источники XVII в. также говорят о том, что Ачанский улус стоял около горы Оджал. Так, в одном из давно уже опубликованных, но забытых маньчжурских документов 80-х годов XVII в. имеется следующее сообщение: «В прежнее время, когда лоча поселились в местечке Учжала, основав там деревянный город (укрепление), посланный для познания их нингутский Майрен-Чжангин Хайсе, не имея осадных орудий, сражался там с ними без всякого успеха»¹¹.

Нетрудно понять, что здесь идет речь о русских («лоча»), сражавшихся у Ачанского острожка с присланным из маньчжурского города Нингуты отрядом, во главе которого стоял мейрень-чжангин хя¹² по имени Исе, т. е. тот самый маньчжурский военачальник, которого Я. П. Хабаров в своей отписке называл Исенеем (окончание «ней», вероятно, происходит от нанайского «най» — «человек»). А из этого отрывка видно, что, по мнению маньчжуров, Ачанский городок находился в сел. Учжала. Несомненно, здесь идет речь о селении Оджал, которое фигурирует в трудах Р. К. Маака под названием «Уотзял»¹³.

Далее, исследователи до сих пор не обратили внимание на то, что на знаменитой карте Татарии Н. К. Витсена, датированной 1687 г.¹⁴, а также

⁸ ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 4, кн. 505, л. 18. Б. О. Долгих правильно расшифровал три из перечисленных нами названий, но он ошибочно прочел «Долинский улус» как «Болинский», а отсюда увидел в этом названии нанайское селение, будто бы расположенное на «оз. Болан»; «Чюланский» же улус он считает селением «Цоляци».

⁹ Р. Маак. Ук. соч., отд. II, стр. 53.

¹⁰ Там же, отд. I, стр. 193.

¹¹ Н. Е. Черных. Разорение Албазина (1685—1689 гг.). По китайским источникам. «Иркутские губернские ведомости», 1857, № 18, Часть неофициальная, стр. 7.

¹² «Мэйрень-чжангин» — должностное звание в маньчжурской восьмизнаменной армии — помощник командира корпуса, или, в буквальном переводе, фланговый начальник: «мэйрень» — фланг, сторона, «чжангин» — начальник. «Хя» — личное звание, присваивавшееся маньчжурским воинам за особые заслуги, подобно тому, как в те же времена русским казакам присваивалось звание «сына боярского».

¹³ Р. Маак. Ук. соч., отд. I, стр. 193.

¹⁴ На этой карте имеется упоминание о деятельности мореплавателя Флемминга в 1688 г. Это давно уже дало исследователям основание сделать вывод, что эта карта на самом деле была составлена позже 1687 г. В дневнике известного голландского ученого Христиана Гюйгенса оказался ряд записей, из которых видно, что Н. К. Витсен

на карте Алларда 1698 г. с левой стороны Амура между устьями «Ушура» (Уссури) и «Хамуна» (Амгуни) изображено крупное озеро. В этом озере нетрудно узнать оз. Болонь-Оджал. Но на картах Витсена и Алларда оно названо «Asanskoje Lacus». Если мы вспомним, что на той же карте Н. К. Витсена русский предлог «через» транскрибирован как «seges», то тогда станет очевидным, что название «Asanskoje Lacus» означает не что иное, как «Ачанское озеро». Это название, несомненно, было заимствовано Н. К. Витсеном из какого-то раннего, не дошедшего до нас русского географического чертежа. Гора Оджал, как известно, находится в непосредственной близости от оз. Болонь-Оджал. Нетрудно понять, что само оз. Болонь-Оджал получило от русских в XVII в. наименование Ачанского, потому что рядом с ним у горы Оджал находился Ачанский городок.

В опубликованных и неопубликованных документах о походе Я. П. Хабарова также имеется ряд данных, подтверждающих этот наш основной вывод. Вот главные из них.

1. Участники похода Я. П. Хабарова указывали, что они избрали Ачанский острожек для зимовки прежде всего потому, что этот район был относительно густо населен. Из показаний казаков нам известно, что в самом Ачанском улусе жил весьма влиятельный «дючерский князец Жакшур» (Заксор). «А тот Жакшур князец над тремя улусами большей, а в тех улусах больше трехсот человек...»¹⁵. Вблизи Ачанского улуса жил другой дючерский князец — Кеча, родственник Жакшура (Заксора), также с весьма значительным числом «улусных людей»¹⁶. Нам же точно известно, что в сравнении с другими районами Амура ниже устья Уссури район горы Оджал и в середине XIX в. имел относительно большое население.

2. Нам достоверно известно, что участники похода Хабарова совершали свое плавание по Амуру в весьма крупных дощаниках, построенных в Албазине зимой 1650—1651 гг. В каждом таком дощанике плыли 40—50 участников похода с весьма значительным грузом. У них имелись большие запасы продовольствия, пушки и пушечные ядра, пищали и свинец, различный «уклад» — топоры, косы, серпы, котлы и, наконец, всякого рода добро, взятое у амурского населения. Все это не оставляет ни малейших сомнений в том, что у Хабарова были настолько крупные дощаники, что на период зимовки их пришлось оставить на воде¹⁷. В этом отношении район горы Оджал был особенно удобен: эти суда можно было оставить на зимовку в протоке, соединяющей Амур с оз. Болонь — здесь им не был опасен амурский ледоход.

3. Не исключена возможность, что еще одна причина побудила Хабарова обратить особое внимание на район горы Оджал. Дело в том, что у жителей Амура эта гора также называется «Мунгу-Хонгко» — «Серебряная Гора»¹⁸. Такое название она получила у местного населения по обилию в ней мышьякового колчедана, который принимался местными жителями за серебро. Нам же достоверно известно, что еще задолго до похода Хабарова до русских дошли сообщения местных жителей о суще-

закончил составление своей карты Татарию в конце 1689 г. Из печати же она вышла лишь в самом начале 1691 г. Именно тогда первые экземпляры этой исторической карты были отправлены из Голландии в Англию и Россию.

¹⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 460, л. 8.

¹⁶ Там же, л. 9.

¹⁷ В мае 1652 г., после возвращения на Амур Т. Е. Чечигина, вместе с новым пополнением в отряде Ярофея Хабарова число участников похода дошло до 338 человек. (Архив Академии наук, ф. 21, оп. 4, кн. 30, л. 274). Все эти люди размещались всего лишь на шести больших дощаниках. Казаки Филипп Самсонов и Сергей Андреев, прибывшие от Хабарова в декабре 1652 г., в распросе в якутской воеводской избе сообщили, что для плавания по Амуру необходимо делать «суды большие дощенники, чтобы подняли дощенники по сороку и по пятидесяти человек» (ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 427, л. 469). Именно такие дощаники и были у Хабарова, когда он зимовал в Ачанском.

¹⁸ Об этом подробно см. Р. Маак. Ук. соч., отд. I, стр. 191—193; отд. II, стр. 54.

ствовании на Амуре какой-то таинственной серебряной горы. Я. Хабаров, как и некоторые другие русские землепроходцы середины XVII в., имел задание разыскать на Амуре эту легендарную серебряную гору. В верховьях Амура Хабаров и его спутники никакой серебряной горы найти не могли. А поэтому создается впечатление, что Я. П. Хабаров отправился к горе Оджал отчасти для того, чтобы проверить, нет ли там давно уже интересующей русских серебряной руды.

Таким образом, самые разнообразные данные говорят об одном: Ачанский острожек явно стоял где-то у горы Оджал. Этим именно районом и должны теперь заинтересоваться археологи.

Наше толкование текста ясачной книги 1655 г. дает основание обратить особое внимание, во-первых, на нанайское селение Оджал, во-вторых, на район так называемой «Серебряной протоки» — ниже с. Оджал, до с. Чельцы, в частности на то самое место (см. рис. 1), где, по данным Р. К. Маака, еще в середине XIX в. существовало нанайское селение Кхочинг¹⁹.

Если мы вспомним, что еще в середине XVII в. русские чаще всего называли селения Нижнего Амура их подлинными нанайскими и нивхскими наименованиями, то тогда мы должны будем признать вполне возможным, что одно из этих двух названий — Оджал или Кхочинг — могло превратиться в устах русских казаков XVII в. в «Ачанское».

В пользу первого варианта говорит одна из любопытнейших до сих пор не опубликованных челобитных Я. П. Хабарова 1655 г., в которой сказано: «...Плыл вниз реке с войском, пришел в Отщанской улус и той я улус своими людьми за боем взял, городок поставил...»²⁰. Русские казаки вполне могли принять название Оджал за «Отщан» и затем превратить его в «Ачанское».

В пользу второго варианта говорит то, что название «Кхочинг» без несвойственного русскому языку придыхательного «кх» и носового «нг» произносится как «Очин», что также легко могло превратиться в устах казаков в «Ачанское».

В архиве мы встретили несколько неопубликованных документов середины XVII в., в которых этот улус назван «Очанским»²¹. Такое название, бесспорно, ближе, чем «Ачанское», и к названию «Оджал» и к названию «Кхочинг»²².

Из этих двух вариантов первый является более правдоподобным, во-первых, потому, что маньчжуры считали, что русские жили в «местечке Учжала» (Уотзял-Оджал), во-вторых, потому, что селение Оджал скорее могло быть названо Хабаровым «великим улусом», и, в-третьих, потому, что это селение было наиболее удобным для создания в нем русского поселения. Любопытно отметить, что и в середине XIX в. одно время обсуждался вопрос о создании русского поселка на месте нанайского селения Оджал. Ратуя за это, оберквартирмейстер Будогосский писал в 1858 г.: «При д. Оджал на низком уступе гор левого берега Амура поселение особенно удобно: вблизи огромного озера Оджал (Болонь) с хорошей рыбной ловлею, на окрестных горах почва сухая, лесу и лугов много. По большому здесь населению, вероятно, имеются удобные места»²³.

¹⁹ Р. Маак. Ук. соч., отд. I, стр. 193.

²⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 344, ч. I, л. 79.

²¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 460, лл. 8—9, 31, 77; ст. 556, л. 103 и др.

²² Само название «Оджал», несомненно, связано с названием нанайского рода «Одзял» — названия, которое нередко передается в литературе в сильно искаженном виде. Даже у такого видного знатока нанайцев, каким был В. К. Арсенев, название Оджал превратилось в «Узала». Именно к этому роду принадлежал главный герой многих книг В. К. Арсеньева — Дерсу Узала. Об этой неточности см. И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Зап. Об-ва изучения Амурского края. т. XVII, Владивосток, 1922, стр. 6.

²³ Центральный гос. архив Военно-Морского флота, ф. 909, д. 41, л. 8 об.

И все-таки, учитывая, что маньчжуры вполне могли отнести к местечку Учжала и район «Кхочинг», находящийся в 3—4 км от с. Оджал, археологам на всякий случай надлежит также осмотреть то самое место, где, по данным Р. Маака находилось когда-то нанайское селение Кхочинг.

Несомненно, уже в ближайшем будущем археологи, работая совместно с этнографами, смогут окончательно установить на Амуре, у горы Оджал, точное местоположение давно уже искомого Ачанского городка Я. П. Хабарова.

Ю. М. ЗОЛотов

КАМЕННЫЙ КРЕСТ XVII в. СО ст. ЖИЛЕВО

Недалеко от ст. Жилево Московско-Курско-Донбасской ж. д. недавно был обнаружен интересный памятник старины — каменный крест с надписью.

Памятники такого рода известны давно и были в свое время изучены, описаны и классифицированы в трудах дореволюционных и советских историков¹. Однако некоторые особенности выделяют жилевский крест из числа других. Он принадлежит к группе редких памятников, к тому же совсем почти не описанных. Нашел его рабочий Жилевского химзавода Н. А. Шитиков во время охоты.

Крест стоял в глухом лесу (рис. 1), в 4 км к юго-западу от дер. Ситня-Щелканово, по направлению к р. Лопасне.

Крест вытесан из белого камня (известняка), очень грубо. Высота креста — 0,82 м, толщина стержня — 0,17—0,2 м. От двух поперечин остались лишь небольшие выступы.

Крест был укреплен на оригинальной подставке, которая хорошо сохранилась. Она состоит из двух лежащих рядом белокаменных плит (рис. 2). В середине подставки прорублено сквозное отверстие для креста в виде прямоугольника. Крест сильно обветшал и покрылся мхом. Последнее обстоятельство видимо, и послужило причиной того, что он в последнее время как бы потерялся, пропал, хотя молва о нем продолжала жить.

Урочище, где был найден крест, носит характерное название «Полчиха». Здесь, по преданию происходила когда-то большая битва между русскими и татарами (золотоордынскими или крымскими — неизвестно).

Скорее всего, это — отзвуки знаменитой битвы при Молодях (1571 г.), когда отдельные группы разгромленных войск Девлет-Гирея преследовались в лесах по Лопасне.

Рис. 1. Крест в момент его обнаружения

¹ А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903; И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб. 1906; Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в. СА, VI, 1940; В. Л. Янин. К вопросу о дате лопастицкого креста. КСИИМК, вып. 68, 1957.